

МЕСТО И РОЛЬ РОССИИ В СООТНОШЕНИИ
«ЗАПАД – ВОСТОК» (НА ПРИМЕРЕ «ПРОЕКТА
АЗИАТСКОЙ АКАДЕМИИ» С. С. УВАРОВА)

Д. В. Сивакова

Российский университет дружбы народов

Поступила в редакцию 21 апреля 2016 г.

Аннотация: статья посвящена анализу работы «Проект Азиатской академии» С. С. Уварова, написанной на стыке историко-культурных, философских и политических интересов ее автора. Рассматривается роль, которую Уваров отводит Востоку в ходе мировой истории. В статье также обрисован общий культурный и интеллектуальный контекст в Европе и России начала XIX в., и предпринята попытка продемонстрировать напряженность поисков самоидентичности как в России, так и Западном мире, и прямую их сопряженность с отношением к Востоку.

Ключевые слова: ориентализм, романтизм, неоклассицизм, культурная идентичность, Уваров.

Abstract: the article is dedicated to the analysis of S. S. Uvarov's «Asian Academy project» written on the cross of the historical, cultural, philosophical and political interests of its author. An influence of the Orient in the world history, under Uvarov, is considered there as well as the broad cultural and intellectual context in Europe and Russia at the beginning of XIX century. The article attempts to illustrate the intensive searching of the identity in Russia and in the West and its tight conjugacy with the attitude to the Orient.

Key words: orientalism, romanticism, neo-classicism, cultural identity, Uvarov.

Сергей Семенович Уваров (1786–1855) составил «Проект Азиатской академии» [1] в 1810 г., будучи еще молодым человеком. Однако уже в этом раннем тексте нашла отражение своеобразная взаимосвязь философской и политической составляющих его мировоззрения. Первоначально «Проект...» предназначался для западноевропейской аудитории и именно поэтому был выпущен в Петербурге отдельным изданием на французском языке «Проект». Впрочем, вскоре вышел в свет и русский его перевод, осуществленный В. А. Жуковским и опубликованный в начале 1811 г. в журнале «Вестник Европы».

Развивая в «Проекте» ряд общих идей относительно исторического развития мировой культуры, Уваров видел одну из главных задач «Проекта» в том, чтобы продемонстрировать те преимущества, которыми обладала Россия в отношении к странам Востока по сравнению с другими европейскими державами. Обращая внимание на то, что Россия обширной частью своей границы опирается на север Азии, Уваров сетовал, что русская культура, тем не менее, практически не знакома с плодами Восточной цивилизации. Молодой чиновник, бесспорно, был прав, рас-

ценивая это как досадное упущение и указывая на те политические и экономические преимущества, которые Россия могла бы получить, проявив инициативу и начав интенсивное освоение обширных восточных территорий. Вместе с тем Уваров даже в юности был не просто чиновником, но блестяще образованным и дальновидным человеком, прекрасно разбиравшимся в интеллектуальных тенденциях своего времени. Уже в те годы он начинал активно участвовать в духовной жизни своей страны и Европы. Помимо отраженных в «Проекте» лежащих на поверхности практических и даже прагматических интересов, это сочинение стало также и первым последовательным изложением историко-культурных взглядов его автора.

В рассматриваемой работе Уваров излагает свою точку зрения о месте и роли Востока в развитии человеческой мудрости и ее распространении в мире. Убедением Уварова, которое он сохранил до конца жизни, было то, что колыбелью и источником просвещения был именно Восток, в частности Индия. Важно отметить, что Уварову была очень близка позиция, согласно которой на начальном этапе истории человек был существом куда более совершенным, чем человек начала XIX в. Божественная мудрость в качестве откровения, «непосредственно волею Провидения» [2, с. 99], была ниспослана древнему человеку в незапамятные времена, и произошло это в Индии. Однако спустя какое-то время этот священный источник истины, «также по воле Провидения» [там же], иссяк для человечества. С течением тысячелетий мудрость первоначального откровения расплылась и развеялась в различных учениях и сектах. Впоследствии открытая человеку истина передавалась и распространялась в других регионах. Начав расщепляться на различные учения еще в Индии, эта мудрость постепенно стала путешествовать по миру, заключенная в разнообразные философские и религиозные концепции и доктрины, но лишь отрывочно. Поэтому сегодня человек вынужден лишь собирать по крупицам фрагменты этого некогда монолитного божественного знания, которое когда-то было достоянием его предков в форме целого.

Уваров выдвигает два аргумента, которые являются для него неоспоримым доказательством того, что божественная мудрость была дана людям именно в Индии. Прежде всего, он ссылается на древнейшие учения индийцев, повествующие о единстве высшего божества, т.е. учения, чьи постулаты спустя века составят суть религии христианства и станут ядром Священного Писания. Вторым аргументом стало указание на то, что в Индии истина эта была выражена с помощью идеального по своему строю языка – санскрита, «священного языка браминов» [там же, с. 27]. Как полагает Уваров, «... по мере нашего приближения к источнику языков древнейших, мы обретаем и правила более ясные, и лучшую методу, и грамматическую систему, имеющую всё то совершенство, к которому дано человеку достигнуть. Трудно оспорить санскритского языка право первородства, но общее мнение утверждает, что этот прекрасный язык, при совершенной правильности и простоте в формах, имеет такое богатство выражений, что может по справедливости наименован быть

первым между классическими диалектами» [там же, с. 39–40]. Самые простые и первозданные и вместе с тем самые глубокие истины могли быть выражены лишь на таком же простом и стройном языке, данном свыше: «Первые понятия, данные Божеством человеку вместе с языком, должны быть истинные, простые, соответствующие первоначальной простоте человеческого общества. <...>...сие первобытное время надлежит именовать эпохою понятий первородных – дар столь же божественный как и самое слово, и в нем заключенный» [там же, с. 38].

Эти размышления Уварова тесно связаны с одной из магистральных идей романтической историософии первой четверти XIX столетия. Еще в самом начале XIX в. европейский ученый мир был поражен высказанной Фридрихом Шлегелем в трактате «О языке и мудрости индийцев» (1808 г.) гипотезой, согласно которой не только многие европейские языки (в том числе так называемые «классические» – греческий и латынь), но даже арабский и персидский берут свое начало в санскрите. Известно, что это предположение произвело на Уварова глубокое впечатление. В своих рассуждениях он придавал большое значение роли языка. Согласно его убеждениям, язык, будучи выражением духовного богатства народа, является важной составляющей самого этого богатства. «Философическое рассматривание языков особенно важно и потому, что в них единственно находим исторические памятники тех времен, которые предшествовали самой истории. Рассматривать язык народа значит рассматривать ход его мыслей. Чем более совершенства имеет язык, тем ближе к образованности и тот народ, который им владеет. Анализ языка знакомит нас с гением нации, а сличение нескольких языков открывает нам не одну существующую между ними связь, но вместе и то, к которой принадлежат некоторые понятия; родились ли они в самом языке, или заимствованы от другого, может быть несуществующего уже диалекта?» [там же, с. 40–41]. Чем совершеннее язык, тем, соответственно, совершеннее и излагаемые на нем мысли. Связь между языком и духовным потенциалом говорящего на нем народа была для Уварова неоспоримой. Глубокая мудрость по определению не может быть выражена на простом и скудном языке. В этом отношении санскрит был красноречивым подтверждением его убеждения.

Размышления Уварова о столь важном значении языка нашли свое отражение в «Проекте» не только в связи с санскритом. На момент написания работы Уваров уже давно и внимательно следил за развитием весьма значительных для своего времени культурных споров. Дело в том, что на рубеже XVIII и XIX вв. в России остро ощущалось ее отставание от европейских соседей во многих отношениях, в том числе и в области культуры, в частности – литературы. К началу XIX в. перед образованной частью русского общества стоял отнюдь не праздный вопрос, в каком направлении должны развиваться русский язык, национальная литература и вся культура в целом. Вопрос этот витал в воздухе уже в первом десятилетии XIX в., когда русская литература находилась, по сути, в самом начале своего развития. На тот момент еще не были вы-

работаны свои литературные каноны, а лучшие образцы жанров только ждали часа своего написания. Золотой век отечественной литературы еще не настал, и деятели пера были озабочены самостоятельными поисками литературных форм. Как это ни удивительно на первый взгляд, но выработка современного литературного языка была теснейшим образом сопряжена с отношением к родному языку в целом, к его статусу, а также с принятием или отторжением Запада и его культуры; и отношение это в ту эпоху носило принципиальный характер. Вокруг этого вопроса разворачивались нешуточные баталии, и еще до начала войны с Наполеоном четко обрисовались контуры двух противоборствующих лагерей.

В середине XVIII в. М. В. Ломоносов начал изучение русского языка, став, таким образом, первопроходцем в этом деле и положив начало его лингвистическим исследованиям. В своих трудах ученый, в соответствии с принципами классицистической поэтики, выделил два стиля русского языка – так называемые «низкий» и «высокий». Первый подразумевал устную, разговорную речь, второй же, согласно Ломоносову, должен был использоваться в литературе. Однако этот стиль был слишком громоздким, в лексике имел много общего с предшествовавшим ему церковно-славянским языком, но имел при этом латинизированный и германизированный синтаксис. Это сочетание делало его негибким, «малоподвижным» и едва ли подходящим для достижения выразительности в художественной литературе. В связи с этим обстоятельством достаточно скоро он получил второе название – «старый» стиль. Несмотря на это, к началу XIX в. у него по-прежнему были сторонники, среди них – видные отечественные литераторы, такие как Г. Р. Державин, И. А. Крылов, А. С. Грибоедов.

Тем не менее к началу XIX в. стало очевидно, что назрела необходимость выработки третьего, «среднего» между этими двумя стилями, или же «нового» литературного стиля. По другую сторону баррикад находились те, кто стоял за права в литературе нового стиля и был убежден, что за ним будущее и что отжившие свой век языковые и литературные формы не отвечают культурным запросам нового столетия. Формирование представлений о необходимости обновления языка было тесно связано с художественными тенденциями эпохи, в частности, с развитием таких литературных течений, как романтизм и сентиментализм. Как справедливо считали сторонники этих новых литературно-художественных направлений, нюансы движений души было бы весьма непросто выразить и передать при помощи старого стиля. Именно с деятельностью представителей сентиментализма и романтизма связано формирование нового стиля русского языка, отцом которого принято считать писателя и историка Н. М. Карамзина. Карамзин «облегчил» язык, с одной стороны, внося в него все лучшее из разговорного, живого русского языка, а с другой – снабдив его, к примеру, более пластичным французским синтаксисом. Это значительно увеличило его выразительные способности, что было так нужно только нарождавшейся отечественной литературе.

Однако и эта позиция не смогла избежать одного существенного недостатка: новый стиль не оставлял места самостоятельности, самобытности русского языка. В конечном счете Карамзин и его сторонники действовали с постоянной оглядкой на западные образцы. Уже в первом десятилетии XIX в. остро ощущалась нехватка самостоятельности в русской словесности. Галлицизмы, к которым очень часто прибегал Карамзин и которые заполонили русскую речь, и синтаксис, властвовавший в письме, не позволяли поднять головы отечественной литературе. Уваров, будучи патриотом, также не мог не ощущать сложившегося положения вещей, и, несмотря на его глубокое уважение к Карамзину, выступил с критикой такого пренебрежения к собственному культурному наследию и потенциалу родного языка. Он не мог согласиться с его позицией по отношению к французскому языку для русского. Карамзин, подобно другим приверженцам нового стиля, подчеркивал, что на литературном поприще французы достигли по сравнению с русскими гораздо больших высот и что отечественная словесность должна поэтому следовать за французскими образцами. В свою очередь, Уваров был убежден, что русский язык обладает огромным собственным потенциалом, который, однако, пока не получил шанса на реализацию, и что необходимо предпринимать усилия в поисках самобытных путей его развития в литературе. При критическом взгляде на сложившуюся к тому времени ситуацию становилось очевидно, что выработанные французской литературой и признанные каноническими формы на поверку оказываются несостоятельными в силу определенных причин: «Французы унаследовали эти принципы [традиции французского классицизма] от Возрождения, подражавшего латинским источникам, которые сами были туманным отражением греческих: таким образом, они имитировали имитацию» [3, с. 36–37].

Уваров был приверженцем интеллектуального движения, начавшего оформляться в начале XIX в. и получившего название «неоклассицизм». В то время многие молодые отечественные писатели, филологи и литераторы-любители верили, что России не следует идти вслед за Западной Европой, уже проторенными ею путями, в лучшем случае занимаясь подражательством и копированием. Подлинные богатства находятся рядом с ней, достаточно лишь протянуть руку. Кладезем этих богатств была в их глазах Древняя Греция и ее литературные традиции. Неоклассицисты видели будущее за обращением к этим традициям и этому наследию, т.е. к непосредственному источнику мудрости. Для России это было особенно значимо, поскольку она теснее всех прочих стран Европы была связана интеллектуальными узами именно с Древней Грецией. «Это течение <...>, – замечает Цинтия Витеккер, – могло помочь России присоединиться к европейскому литературному процессу через своего рода Ренессанс, хотя бы и краткий. Неоклассицисты ожидали, что самобытные, национальные произведения вскоре вытеснят зависимость от греческих моделей. Российских литераторов укрепляла в их надеждах мысль, что запоздалый Ренессанс происходит и в Германии, о чем свидетельствовало творчество Гердера, Гёте, Шиллера» [там же, с. 36]. В дальнейшем,

как полагали неоклассицисты, греческие формы и образцы в литературе уступят место совершенно самостоятельным и оригинальным произведениям, свободным от всякой оглядки на эти древние образцы. Таким образом, неоклассицизм стал своего рода примирением двух враждовавших литературных стилей и явился «срединным путем» между ними. Уваров был убежденным неоклассицистом и одним из идейных вдохновителей этого течения в России. Возможно, в этом проявилась одна из характерных черт его внутреннего склада: известно, что он еще с юности (а в 1810 г. ему исполнилось 24 года) был человеком умеренных взглядов. Быть может, и в этом вопросе сказалось его стремление всегда найти золотую середину и компромисс.

Уже в «Проекте» Уваров, опираясь на слова известного немецкого филолога-классика Х. И. Г. Гейне, сформулировал свое отношение к рассматриваемой проблеме именно в духе идей неоклассицизма. В русском переводе «Проекта» читаем: «Всякая академия восточная предполагает уже пригособительное знание греческого и латинского языков; ибо на сих двух языках основаны все возможные сведения. Мы уверены, что греческий язык, который забыт в наших новоучрежденных гимназиях, должен почитаем быть в России классическим. Россия, писал в 1768 году славный Гейне <...>, имеет особенное преимущество пред всеми другими народами Европы. Греческая словесность может служить основанием ее собственной, и может ей способствовать к заведению новой, ни с какою другою несходствующей школы. Россия не должна подражать ни литературе немецкой, ни французскому остроумию, ни учености латинской. Основательное знание греческого языка откроет для русских неистощимый источник новых идей и образов высоких. История, философия и поэзия могут заимствовать от него чистейшие и более к истинным образцам приближенные формы. Надобно заметить и то, что греческий язык имеет тесную связь с религиею русских и языком славянским, который по-видимому от него получил свое образование. Древнейшие писатели России были знакомы с историками и географами Восточной Империи; а Византийская история по многим отношениям должна быть важною для русских» [3, с. 112].

Показательно, что параллельно с разработкой своих историсофских идей Уваров включается и в деятельность литературных кружков. Примерно в 1815 г. возникает знаменитое литературное общество «Арзамас», сплотившее молодых людей, радевших за отечественную литературу. В основном это были государственные деятели и литераторы-любители. Однако что их действительно объединяло – так это то, что они были патриотами своей страны и буквально обожествляли язык, уделяя огромное внимание его значению для самоопределения народа. Уваров играл в «Арзамасе» немаловажную роль. В 1818 г. объединение это официально прекратило свое существование, но в его недрах – помимо других его достижений – вырелась «Греческая антология», представлявшая собою переводы ярких образцов греческой поэзии, сделанные К. Н. Батюшковым. Антология была написана Д. В. Дашковым, Батюшковым и Уваро-

вым в 1817 г. и увидела свет тремя годами позднее. Во введении к ней Уваров писал, вновь ссылаясь на Гейне: «За 50 лет пред сим советовал нам славный Гейне взять в основание нашей словесности словесность греческую; и тогда успели бы мы, может быть, заменить недостаток собственного народного вкуса чистым вкусом древних, верными правилами классической литературы» [цит. по: 3, с. 37]. Эти строки могут служить свидетельством того, что их автор и спустя немалое число лет после написания «Проекта» продолжал оставаться верным своему убеждению относительно значения русского языка.

Говоря о той роли, которую Уваров отводил России в историческом процессе, нельзя не упомянуть также о сформулированной им концепции исторического развития. В 1810 г. до создания Уваровым его историко-философских сочинений, в которых эта концепция получила свое оформление, оставалось еще несколько лет, однако уже в «Проекте» можно распознать ее начатки и проследить истоки более поздних взглядов на исторический путь России. Ключевые термины уваровской исторической концепции – Провидение, развитие, прогресс, человеческий разум (*esprit humain*) – мы находим уже в тексте «Проекта». Согласно Уварову, по воле Провидения все цивилизации и страны во все эпохи проходят четыре стадии развития: младенчества, юности, зрелости и старости. Каким-то странам и регионам Провидением суждено сделать щедрый вклад в копилку мировой культуры, каким-то – скудный. Однако каждая последующая цивилизация вбирает и впитывает в себя все лучшее из того наследия, которое оставила по себе ее предшественница. Одним из подтверждений этой мысли служила для Уварова культурная и духовная преемственность между Индией, Египтом, далее – Древней Грецией, а через нее – находившейся когда-то в младенческом состоянии Европой. «...Азия есть главный источник образования человеческого. Первые известные нам просвещенные народы от Востока заимствовали начальные свои понятия, преобразованные ими в религии, более или менее сходные; греческие мудрецы искали просвещения в Индии. Поражены будучи величественною красотою ее природы, древностью ее мнений и зрелостью обычаев, от нее заимствовали они свои философические системы, свои понятия о нравственности, об установлениях моральных. С одной стороны, Индия обогащает их мыслями философическими; с другой Финикия и Египет, колонии Востока, дают им своих символических богов, которых они преобразуют, приравнивая к обычаям и привычкам местным. Так, греческая философия и религия получили свое существование от мнений восточных» [2, с. 28–29].

Таким образом, Древняя Греция, по мысли Уварова, становится для Европы хранительницей божественных истин, посредницей в деле их передачи Западному миру и в то же время гениальным интерпретатором, привнесшим в них свое собственное, уникальное видение, тем самым их значительно обогатившим. Вместе с тем в соответствии с уваровской концепцией хода мировой истории Россия в сравнении со зрелой, искушенной и даже «пресытившейся» в духовном смысле Европой должна была

рассматриваться как находящаяся к началу XIX в. на стадии молодости. Однако, хотя явная разница в степени культурной зрелости, на первый взгляд, должна была говорить отнюдь не в пользу России, на ее стороне были важные преимущества по сравнению с Западом, на очевидность которых и стремился указать Уваров в своем «Проекте». С одной стороны, Россия может преодолеть очевидное отставание в области высокой словесности, не оглядываясь и не ориентируясь на образцы европейских литературных традиций. Максимально приближенная к каноническим, древнегреческим образцам, русская словесность может наверстать это отставание за весьма краткий срок, минуя «лишние» звенья. С другой стороны, благодаря своему географическому расположению и относительной близости (по сравнению с Европой) к истинному источнику духовности и великому наследию древности, Россия может послужить ей посредницей, своего рода интеллектуальным мостом между двумя сторонами света и двумя культурными традициями, т.е. взять на себя ту роль, которую исполнила в свое время для древнего мира Греция. Но, пожалуй, наиболее важно третье соображение: будучи такой же посредницей, какой когда-то была Греция, Россия получает законное право вносить, как и она, свой неповторимый вклад в дальнейшее культурное развитие, право вступить в этот процесс на равных.

Очевидно, что, говоря о России, Уваров оптимистично смотрел на ее будущее и на те перспективы, что открывались перед ней. Согласно его взглядам, высказанным еще в 1810 г. в «Проекте», Россия в скором времени должна присоединиться к семейству европейских народов на равных именно благодаря названным преимуществам по сравнению с ними. Несмотря на то что, по терминологии Уварова, Россия находилась на стадии юности, в силу совокупности всех факторов (культурных, географических, политических) ей предстояло занять единственное, уготованное Провидением только ей место в европейской семье.

Момент написания «Проекта» совпал с весьма непростым временем как для России, так и для Европы. Всё находилось в смятении, и на пороге Отечественной войны 1812 г. было очевидно, что Европа переживает кризис и России может понадобиться собственный культурный путь. Перед русскими интеллектуалами этот насущный вопрос стоял очень остро, и Уваров постарался дать на него философски обоснованный ответ. Во-первых, ответ этот был навеян оправданным интересом к ориентализму; во-вторых, лежал в русле набиравшего силу романтизма, который провозглашал принципы национальной самобытности и уникальности каждого народа, а также возвращение к подлинным культурным истокам человечества и одновременно – к родным народным корням; наконец, в-третьих, ответ Уварова был сформулирован в духе неоклассицизма, который справедливо подчеркивал значительность соотношения между греческим и русским языками. Уваров видел уникальность места России в дихотомии «Запад – Восток» в ее срединном положении между этими двумя историческими целостностями и усматривал ее историческую миссию не в том, чтобы пассивно заимствовать

идеи с обеих сторон, но, напротив, в том, чтобы быть активным посредником, проводником и интерпретатором этих идей, средоточием, к которому будут стремиться обе культурные традиции, что не умаляло бы, а наоборот, укрепляло бы ее собственную неповторимость и самобытность. Позднее именно эти мысли найдут свое выражение в зрелых работах Уварова и воплотятся в жизнь благодаря его деятельности на высоких государственных постах.

Литература

1. *Ouvarov S.S. Projet d'une Académie asiatique / S. S. Ouvarov.* – SPb, 1810.
2. *Уваров С.С. Мысли о заведении в России Академии Азиатской / С. С. Уваров [пер. с фр. В. А. Жуковского] // Вестник Европы.* – М., 1811. – № 1–2.
3. *Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. / Ц. Х. Виттекер.* – СПб. : Академ. проект, 1999.

*Российский университет дружбы на-
родов*

*Сивакова Д. В., ассистент кафедры
истории философии
E-mail: dv.sivakova@gmail.com*

*Peoples' Friendship University of Rus-
sia*

*Sivakova D. V. Assistant of the History
of Philosophy Department
E-mail: dv.sivakova@gmail.com*